

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ И РАЗСКАЗОВЪ.

Во время чумы въ Севастополѣ, графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, снабженный обширными полномочіями и властью отъ Государя, прибылъ на Сѣверную сторону Севастополя, гдѣ и оставался все время чумной эпидеміи и во время тогдашняго бунта. Въ числѣ прочихъ состояли при Воронцовѣ чиновникъ особыхъ порученій А. Я. Фабръ и мой отецъ отъ Таврическаго губернатора. Для ограниченія дѣйствій заразы, графъ Воронцовъ предписалъ Грейгу, чтобы ни одно изъ судовъ флота, впрямь до его распоряженія, не покидало Севастопольскаго рейда. Боясь въ свою очередь заразы, адмиралъ Грейгъ поднялъ всѣ паруса и ушелъ въ море. Это страшно взволновало графа Михаила Семеновича, и онъ написалъ письмо Государю, прося чуть ли не о преданіи суду Грейга. Призвавъ Фабра, онъ обратился къ нему съ словами: „Прочтите и немедленно отправьте съ курьеромъ“. Фабръ сталъ читать письмо и, окончивъ, изорвалъ его въ мелкіе куски. Графъ, пораженный подобною дерзостью и дрожа отъ гнѣва, спросилъ Фабра, какъ онъ смѣлъ рѣшиться на подобный поступокъ? „Эта жалоба недостойна великой души вашей противу человѣка, котораго ваше сіятельство такъ уважаете“, спокойно отвѣчалъ Фабръ. Нѣсколько минутъ графъ оставался безмолвнымъ; затѣмъ, протянувъ руку Фабру, сказалъ: „Благодарю васъ, я погорячился“. Другого письма конечно написано не было, а поступокъ Фабра еще болѣе усилилъ то довѣріе, которымъ онъ у графа пользовался.—Покойный Андрей Яковлевичъ Фабръ отличался поразительною скупостью. Когда, уже въ отставку послѣ Екатеринославскаго губернаторства, онъ жилъ въ Симферополѣ (съ 1856 по 1863 годъ), и часто посѣщала его и знаю, что цѣленокъ служилъ ему пищей на три дня, а перѣдко въ теченіе дня онъ ограничивался двумя стаканами чая съ хлѣбомъ. Такою же жизнью велъ онъ, будучи губернаторомъ въ Екатеринославѣ. Умеръ онъ холостякомъ, оставивъ весьма значительный капиталъ и два имѣнія на устройство пріюта для сиротъ-мальчиковъ мѣщанскаго и крестьянскаго сословія, до 14 лѣтняго возраста, въ Симферополѣ. Этотъ пріютъ и донынѣ существуетъ. Андрей Яковлевичъ былъ человѣкъ высокой честности и истинно-твердыхъ правилъ. Самоучкой онъ изучилъ Французскій и Нѣмецкій языки. Онъ глубоко почиталъ свою мать, зная, что онъ незаконнорожденный.

*

Павель Ивановичъ Сафоновъ, полковникъ, состоявшій при Таврическомъ губернаторѣ Владимирѣ Ивановичѣ Пестелѣ, родномъ братѣ извѣстнаго декабриста, на вопросъ графа Воронцова, куда бы безопасно помѣстить значительное число пороха, привезеннаго для взрыва камней при постройкѣ Алупкинскаго дворца, сказалъ графу, что самое лучшее на кухню Фабра, такъ какъ она изъ экономіи никогда не топится.

Выше я упомянулъ о Пестелѣ и хочу добавить о немъ нѣсколько словъ. Не помню, въ которомъ именно году онъ былъ назначенъ Таврическимъ гражданскимъ губернаторомъ; но уже въ 1846 году я, пяти лѣтнимъ ребенкомъ, помню его красивое лицо, парикъ съ висками впереди и генеральскіе эполеты. Губернаторомъ онъ служилъ до осени 1854 года, послѣ чего былъ назначенъ въ Москву во 2-е отдѣленіе 6-го департамента Сената. Къ этому отдѣленію, между прочими, принадлежала по дѣламъ и Таврическая губернія.

Высоко образованный по тому времени, добрый, честный, гуманный, этотъ человекъ опередилъ свой вѣкъ. Глубоко врѣзался мнѣ въ памяти слѣдующій рассказъ его моему отцу. Пестель былъ командиромъ одного изъ эскадроновъ Кавалергардскаго полка, когда Государь Николай Павловичъ, недовольный ученіемъ полка, прогналъ его въ казармы, сказавъ, что черезъ недѣлю будетъ вновь смотрѣть полкъ по-эскадронно. Въ продолженіе этой недѣли пять эскадронныхъ командировъ по три раза въ день производили ученія, страшно наказывая солдатъ за малѣйшую ошибку. Одинъ Пестель не производилъ ученій вовсе, объявивъ людямъ, чтобы они отдохнули, одумались и приготовились какъ слѣдуетъ къ предстоящему царскому смотру; что онъ надѣется, что солдаты его не осрамятъ своего командира. Только наканунѣ смотра онъ сдѣлалъ небольшую репетицію для проѣздки лошадей. Государь, пропустивъ мимо себя три раза эскадроны безъ привѣтствій, только одному проходившему эскадрону Пестеля говорилъ: „Спасибо, ребята!“ Словомъ, на смотру лучшій эскадронъ вышелъ Пестеля, котораго Государь лично благодарилъ; а въ результатъ вышло семидневное, безъ объясненія причинъ, сидѣніе Пестеля на гауптвахтѣ: кто-то доложилъ Государю, что Пестель людей къ смотру *не приготавлилъ*.

Къ сожалѣнію не могу припомнить, гдѣ я читалъ въ 60-хъ годахъ „о бѣгствѣ“ Пестеля изъ Симферополя 8 Сентября 1854 года, во время Алминскаго сраженія (т. е. вѣрнѣе при рѣчкѣ Бурлюкъ. Многіе пишутъ Алминскаго, это неправильно: рѣчка Алма, по-татарски яблоко, но не Альма).

4-го Сентября 1854 года непріятель высадился въ г. Евпаторіи или Козловѣ, по-татарски или турецки Гезлеве, замѣчательной своимъ артезіанскимъ колодеземъ. 5-го числа онъ сжегъ зданіе для больныхъ, пользующихся грязями въ 19 верстахъ отъ Евпаторіи къ Симферополю въ деревнѣ Саки, слѣдовательно только въ 43 верстахъ отъ Симферополя. Изъ Сакъ успѣла

бѣжать почтовая станція, т. е. одна или двѣ тройки, остальное досталось Туркамъ; эти же бѣжавшіе со станціи принесли вѣсть о приближеніи непріятеля къ Симферополю.

6-го Сентября непріятельскіе конные развѣзды, не встрѣчая на пути своемъ ни одного солдата, были въ 27 верстахъ отъ Симферополя, въ д. Тулатъ, помѣщика Маценко. Все это узнавалъ губернаторъ только отъ бѣжавшихъ, при приближеніи непріятеля жителей. По занятіи Евпаторіи Пестель могъ предполагать, что и Перекопскій перешеекъ занятъ непріятелями (почему они этого не сдѣлали, непонятно), а слѣдовательно отступленіе изъ полуострова отрѣзано. Оно было возможно только по проложенному покойнымъ отцемъ моимъ на всякій случай Чонгарскому тракту, между почтовою дорогою отъ Симферополя до Перекопа и Арабатскою стрѣлкою.

Всѣ курьеры, посылаемые Пестелемъ къ главнокомандующему князю Меншикову, не возвращались. Посланные къ князю же чиновники особыхъ порученій при губернаторѣ, оба покойники, Пулакасъ и Аѳанасій Алексѣевичъ Рожнецкій, не возвращались также. Что оставалось дѣлать губернатору?

8-го Сентября ясно слышанные въ Симферополѣ пушечные выстрѣлы на полѣ битвы, происходившей на Алмѣ-Бурлюкѣ, принесли къ вечеру извѣстіе, что мы разбиты, что мы отступили въ полномъ безпорядкѣ, что полки разбросались и разыскиваютъ другъ друга, что отступленіе полное, куда—неизвѣстно, только не къ беззащитному губерньскому городу.

Не получая никакихъ извѣстій отъ главнокомандующаго объ исходѣ сраженія, генераль-лейтенантъ Пестель имѣлъ въ виду, что Турецкія войска отъ Евпаторіи могутъ подойти или занять Симферополь со стороны Тулата, или же онъ можетъ быть занятъ войсками союзниковъ, выигравшихъ сраженіе на Алмѣ (прямое разстояніе отъ мѣста битвы до Симферополя 50 верстъ), и наконецъ, что въ Симферопольскомъ казначействѣ хранится по случаю военнаго времени значительная сумма денегъ. Поэтому онъ рѣшилъ: взявъ на подводахъ бумаги и даже часть архивовъ *всѣхъ* присутственныхъ мѣстъ, а равно всѣ хранящіяся въ казначействѣ суммы, выѣхать изъ города по Чонгарскому тракту и слѣдовать по немъ впродъ до полученія приказанія отъ главнокомандующаго; охрану же денегъ казначейства, слѣдующихъ на подводахъ, онъ возложилъ на Симферопольскую, тогда конную, жандармскую команду.

Не могу теперь припомнить, какое было сдѣлано распоряженіе для охраны жителей относительно острога, арестантской роты. Въ городѣ оставался гарнизонный баталіонъ, командиръ котораго невольно дѣлался и губернаторомъ, и комендантомъ, и даже командующимъ войсками. Въ то время Симферополь заключалъ въ себѣ не болѣе 15 тысячъ жителей, большая часть которыхъ и бросилась вслѣдъ за отбѣзжающимъ губернаторомъ съ присутственными мѣстами, кто на лошадяхъ, а большинство пѣшкомъ, оста-

вивъ все свое имущество на волю Божию. Въ правъ-ли былъ губернаторъ остановить это движеніе; въ правъ-ли онъ былъ успокоивать, т. е. уговаривать населеніе оставаться на мѣстѣ, не получая никакихъ извѣстій отъ князя Меншикова на всѣ свои вопросы?

Можно себѣ представить, что происходило въ городѣ по этому случаю! Оставляя свое все, годами и трудами нажитое, на произволъ тяжело, безъ надежды увидеть его когда либо!

Забылъ я сказать, что полиціи городская и уѣздная были оставлены въ городѣ. Такимъ образомъ поѣздъ этотъ въ нѣсколько тысячъ жителей и, вѣроятно, болѣе тысячи подводъ, экипажей всякаго калибра, направился вслѣдъ за губернаторомъ. Но надо помнить, что въ тѣ времена губернаторы были во мнѣніи народа не теперешніе. Тогда для народа губернаторъ представлялся намѣстникомъ царскимъ. Тутъ-же ѣхали и казначейскія деньги, окруженныя конными жандармами, съ начальникомъ команды штабсъ-капитаномъ Николаемъ Михайловичемъ Вечесловымъ. На первомъ мостикѣ, въ полуверстѣ отъ города, опрокинулись телѣги съ дѣлами Врачебной Управы, которыхъ, конечно, никто не собиралъ.

Весь грѣхъ В. И. Пестеля заключался въ томъ, что онъ не гарцовалъ на конѣ по городу, что и слѣдовало, не показавъ никому въ улицахъ, ни слова не сказавъ жителямъ, а сѣлъ въ коляску вмѣстѣ съ своею фавориткою (женою одного изъ чиновниковъ), и направился во главѣ поѣзда. Это было доведено до свѣдѣнія главнокомандующаго.

На мѣсто Пестеля прибылъ Таганрогскій градоначальникъ графъ Николай Владимировичъ Адлербергъ (впослѣдствіи Финляндскій генераль-губернаторъ) и занялъ постъ только военнаго губернатора Симферополя, а вся тяжесть гражданскаго управленія по губерніи легла на моего покойнаго отца. Графъ Адлербергъ оставилъ себѣ память добродушнаго человѣка, но жена его Амалія Максимиліановна, вышедшая за него замужъ вдовою барона Бриднера, навсегда оставила по себѣ неизгладимую память. Дѣтскій пріютъ подъ вѣвѣскою „Пріютъ графини Адлербергъ“ и теперь существуетъ въ Симферополѣ. Керченскій градоначальникъ генераль-маіоръ Антоновичъ (впослѣдствіи попечитель Кіевского учебнаго округа) еще до занятія города непріателемъ вывезъ всѣ присутственныя мѣста въ г. Мелитополь, гдѣ они и находились до окончанія военныхъ дѣйствій.

*

Упомянувъ о князѣ М. С. Воронцовѣ, считаю нужнымъ сказать объ одномъ изъ его главныхъ помощниковъ, покойномъ Павлѣ Ивановичѣ Оедоровѣ. Жестоко отнеслась судьба къ этому человѣку. Простой армейскій офицеръ, онъ былъ полицмейстеромъ въ Николаевѣ во времена Грейга. Дальнѣйшія его повышенія по службѣ послѣдовали послѣ пріѣзда въ Николаевъ князя Александра Сергѣевича Меншикова.

Командиръ извѣстнаго въ 1829 году брига „Меркурій“ Казарскій, въ званіи флигель-адъютанта, былъ посланъ Николаемъ Павловичемъ въ Николаевъ для производства слѣдствія о какихъ-то злоупотребленіяхъ, кажется, по комиссаріатской части. Въ Николаевѣ Казарскій скоропостижно скончался; смерть его приписали отравленію, и для разслѣдованія Государемъ былъ командированъ князь Меншиковъ. Вопреки общественному мнѣнію, Федоровъ утверждалъ передъ княземъ Меншиковымъ, что Казарскій умеръ естественною смертію.

„Ну, смотри-же!“ сказалъ ему Меншиковъ. Было рѣшено вынуть изъ могилы тѣло Казарскаго. Послѣ химическихъ изслѣдованій никакихъ ядовъ найдено не было. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого мы уже видимъ Федорова почти безземѣнно исправляющимъ должность Новороссійскаго и Бессарабскаго генераль-губернатора, такъ какъ князь Воронцовъ жилъ въ Тифлисѣ и одинъ или два раза въ годъ посѣщалъ Одессу и Крымъ. Передъ Крымскою войною былъ воспрещенъ вывозъ хлѣба изъ Одессы за границу, и не знаю какимъ образомъ значительное число судовъ съ этимъ грузомъ оставило Одесскій портъ. Федоровъ, заподозрѣнный въ умышенномъ отпускѣ судовъ съ корыстною цѣлью, былъ удаленъ отъ должности и преданъ суду. Его замѣнилъ Анненковъ. Въ 1856 году Федоровъ былъ вызванъ на судъ въ Москву, но, не доѣзжая нѣсколькихъ станцій, несчастный старикъ отравился. Не могъ заступиться за него и князь Михаилъ Семеновичъ, служебная звѣзда котораго постепенно закатывалась. На Кавказѣ уже дѣйствовалъ замѣнившій его Муравьевъ. Между тѣмъ общая молва упорно держалась одного мнѣнія, что неправильный отпускъ хлѣба былъ дозволенъ градоначальникомъ Местмахеромъ.

*

Сказавъ о „Меркуріи“, вспомнилъ я о тяжелой судьбѣ, постигшей въ томъ-же 1829 году всѣхъ офицеровъ и матросовъ „Рафаила“, командиромъ котораго былъ С. Н. Стройниковъ. „Рафаилъ“ сдался безъ выстрѣла Турецкому военному судну и съ торжествомъ отведенъ въ Стамбуль. По заключеніи мира плѣнники были доставлены въ Россію, и Государь Николай подтверждалъ: командира и всѣхъ офицеровъ „Рафаила“ разжаловать въ матросы, безъ выслуги. Во время Синопской битвы адмиралъ Нахимовъ узналъ корпусъ „Рафаила“ и непременно хотѣлъ вывести его изъ огня; но это оказалось невозможнымъ, и „Рафаилъ“ сгорѣлъ вмѣстѣ съ другими Турецкими судами.

*

Умершій въ 1886 году бывший Ялтнскій узднй исправникъ Илья Ивановичъ Зефиропуло долго служилъ при князѣ Воронцовѣ на Кавказѣ завѣдывалъ до конца 50-хъ годовъ Воронцовскими имѣніями въ Крыму и жилъ въ Алупкѣ. Оставилъ онъ эту должность съ семью рублями въ карманѣ, съ которыми пріѣхалъ въ Ялту, имѣя возможность нажить десятки тысячъ, подобно своимъ предмѣстникамъ. Такъ, напр., былъ приказъ князя роскошно

угощать въ Алупкѣ всѣхъ посѣтителей и непременно съ Айданильскимъ шампанскимъ. Одинъ только расходъ на прѣзжихъ, посѣщавшихъ и не посѣщавшихъ Алупку, показывался въ громадной цифрѣ. Въ Алупкѣ и Ялтѣ въ теченіе 40 лѣтъ Зефиропуло до послѣдняго Татарина былъ извѣстенъ своею честностію, гостепріимствомъ и радушіемъ. Владѣя, такъ сказать, Воронцовскими виноградниками, онъ, какъ извѣстно, не вынулъ рюмки вина въ своей жизни. Государь Александръ II всегда подавалъ ему руку, чего не видалъ ни одинъ исправникъ Россійской Имперіи.

Онъ близко зналъ на Кавказѣ генерала Клюге-фонъ-Клюгенау. Это былъ дѣйствительно боевой офицеръ; назначеніе намѣстникомъ Воронцова ему не понравилось. Клюгенау подѣмывался надъ графомъ Воронцовымъ и называлъ его паркетнымъ шаркуномъ, который и командовать-то съумѣетъ развѣ только на разводахъ. Нашлись услужливые люди, которые передали это графу Михаилу Семеновичу. По высочайшему повелѣнію Клюгенау былъ вызванъ въ столицу. Государь принялъ его очень милостиво и на первомъ-же разводѣ приказалъ командовать имъ. Забывъ послѣ долгаго пребыванія на Кавказѣ команду парадовъ, Клюгенау ошибался на каждомъ шагу. По окончаніи развода Государь сказалъ ему: „Вотъ видишь, иногда нужно знать, какъ и разводомъ командовать и какъ умѣть на паркетѣ танцовать. А теперь можешь себѣ отпривлечься обратно на Кавказъ“. Повялъ генералъ, что нужно осторожнѣе говорить о намѣстникѣ. По этому можно судить, какъ Воронцовъ былъ силенъ у Государя.

*

Разсказъ моего покойнаго отца. Крымскіе Цыгане, которые всегда жили въ Крыму осѣдо, не брались до 1837 года въ солдаты. Въ этомъ году Государь Николай Павловичъ посѣтилъ Крымъ и, подъѣзжая къ Бахчисараю, былъ встрѣченъ и толпами Цыганъ. Особый типъ, оборванные одежды, дѣти нерѣдко 10—15 лѣтняго возраста обоюга пола, совершенно нагія, все это удивило Государя, и онъ спросилъ, что за народъ? Отвѣчали, что Цыгане. Какой вѣры? спросилъ Государь.—Никакой, послѣдовалъ отвѣтъ.—Такъ всѣхъ ихъ взять въ солдаты, приказалъ Государь. И теперь еще есть въ Бахчисараѣ и Симферополѣ старики Цыгане въ Крыму, которые съ ужасомъ вспоминаютъ царское слово.

*

Разсказъ капитана 1-го ранга Ивана Николаевича Кандагури, бывшаго въ 1868 году смотрителемъ морскаго госпиталя въ Николаевѣ на рр. Бугѣ и Ингулѣ.

Въ одинъ изъ дней усиленной бомбардировки непріателемъ оборонительной Севастопольской линіи И. Н. Кандагури находился на Малаховомъ курганѣ въ ту минуту, когда въ открытый зарядный ящикъ невдалекѣ отъ пороховаго погреба упала непріятельская бомба. (Отъ 5—7 пудъ вѣса, начиненная порохомъ, съ горящимъ фитилемъ). Увидавъ это, Кандагури за-

кричалъ: „Охотники, за мной!“, и, схватившись за оглобли ящика, побѣжалъ съ нимъ, при чемъ человекъ 20 матросовъ подталкивали его сзади, хватаясь за оглобли же. Бывшій не вдалекѣ и видившій этотъ геройскій подвигъ незабвенный адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ, котораго матросы называли, какъ я самъ слышалъ, не иначе, какъ адмиралъ „Нахименко“ (много было во флотъ Малороссіянъ), съ грустью произнесъ: „Ахъ, несчастные!“ Отбѣжавъ съ ящикомъ приблизительно сто шаговъ, Кандагури инстинктивно закричалъ: „Стой! Ложись!“ Едва была исполнена эта команда, какъ произошелъ страшный взрывъ. Но какъ только разсѣялся дымъ, Нахимовъ съ адъютантами и ординарцами поскакалъ къ мѣсту катастрофы. Какова-же была его и всѣхъ радость, когда они увидали, что всѣ эти герои стоятъ на ногахъ цѣлы и невредимы. Павелъ Степановичъ обнялъ, расцѣловалъ Кандагури и, снявъ съ себя Георгіевскій крестъ, надѣлъ его на грудь храбрецу. Ни одинъ изъ участниковъ не былъ раненъ, ни контуженъ, но конечно всѣ были сильно оглушены.

Не знаю, живъ-ли теперь совершившій этотъ подвигъ И. Н. Кандагури. Я имѣлъ счастье знать этого человека высокой честности, благородства и доброты. Когда я упрекалъ его, почему онъ не напечаталъ этого случая и многихъ другихъ въ Запискахъ обороны Севастополя, вызванныхъ тогда къ печати Наслѣдникомъ, впоследствии Императоромъ Александромъ III, то онъ сердился на меня, говоря: зачѣмъ выставлять себя? Скромность его въ этомъ случаѣ переходила всякія границы.

Если обвиняли бывшій, нынѣ воскресшій, Черноморскій флотъ въ излишнемъ употребленіи всякаго рода напитковъ и въ особенности „Марсалы“, то Иванъ Николаевичъ составлялъ въ этомъ рѣдкое исключеніе: онъ не пилъ ничего кромѣ воды.

Безукоризненная честность его такъ была всѣмъ извѣстна, что при назначеніи его смотрителемъ Николаевскаго Морского Госпитала очень многіе вознегодовали на это въ Николаевѣ, такъ какъ, перебивъ имъ дорогу, Кандагури лишалъ ихъ возможности набивать карманы на счетъ больныхъ и казны.

Одиннадцатимѣсячный защитникъ многострадальнаго Севастополя, онъ чудомъ спасся отъ смерти, хотя нѣсколько разъ былъ отганываемъ изъ-подъ засыпанной его земли вѣдствіе дѣйствія бомбъ и однажды былъ такъ контуженъ въ голову, что почти потерялъ слухъ. Говорятъ, что всѣ глухіе раздражительны, злы и нетерпѣливы; мнѣ же немного приходилось встрѣчать людей съ такою доброю и мягкою душою и такого терпѣливаго какъ Иванъ Николаевичъ.

*

Въ Томскѣ постоянно ходятъ слухи о жизни, смерти и погребеніи въ этомъ городѣ покойнаго Государа Александра Благословеннаго. Не ошибусь, сказавъ, что услышались эти вполне нелѣпыя слухи, благодаря проѣзду

одного важнаго лица на обратномъ его пути изъ Сахалина въ Іюнь 1882 года. Въ числѣ провожавшихъ его на пароходъ нѣкоторыхъ начальствующихъ лицъ находился какой-то старикъ въ костюмѣ мѣщанина, котораго проѣзжавшій важный чиновникъ обнялъ и поцѣловалъ, а затѣмъ увелъ съ собою въ каюту. Естественно, что начались распросы, чтб это за личность, и оказалось, что это мѣстный житель куонецъ Хромовъ, у котораго въ домѣ будто бы жилъ и скончался Государь Александръ I-й.

Я столько выслушалъ разнорѣчивыхъ рассказовъ по этому поводу! Утверждали, будто Государь, узанный однимъ солдатомъ, назвался Ѳедоромъ Кузьминымъ и подъ этимъ именемъ погребенъ въ оградѣ мужскаго Алексѣевского монастыря, будто по смерти его Хромовъ ѣздилъ въ Петербургъ открыть эту тайну, о которой ему предложили молчать, будто о пребываніи въ Томскѣ Государя, подъ именемъ Кузьмина, зналъ который-то изъ архіереевъ, по который именно, мнѣ не могли объяснить. По другимъ слухамъ архіерей самъ узналъ тайну только въ день кончины Кузьмина, исповѣдая и причащая его, о чемъ впоследствии и сообщилъ въ Петербургъ.

Какъ-то въ разговорѣ съ полицмейстеромъ Томска Александромъ Петровичемъ Дзерожинскимъ, лѣтомъ 1882 г., я узналъ отъ него, что на могильномъ крестѣ было приказано ему ночью, масляною краскою, закрасить буквы „А. Б. С. В.“, означавшія „Александръ Благословенный, Самодержецъ Всероссійскій“. На другой день я поѣхалъ въ монастырь, гдѣ нашелъ довольно большую могилу, внутри деревянной ограды: и внутри ея большой высокій крестъ съ надписью имени умершаго. Крестъ былъ свѣже выкрашенъ бѣлою краскою, при чемъ ясно были покрашены буквы А. Б. С. В., бывшія прежде на немъ и слѣдовавшія за годомъ: „Здѣсь лежитъ тѣло Ѳедора Кузьмина, скончавшагося 20 Января 1864 г.“ Ниже подписи вѣлана на крестъ икона Спаса Нерукотвореннаго (извѣстно, что эту икону имѣлъ всегда при себѣ въ поѣздкахъ императоръ Александръ Павловичъ). Затѣмъ, на углу Спасской улицы и площади недостроеннаго собора, противъ угловой казармы мѣстнаго баталіона, за заборомъ дома Хромова, мнѣ показывали домикъ, въ которомъ жилъ покойный Кузьминъ. Это очень небольшая избушка, но интересующая публику, потому что Хромовъ сдѣлалъ надъ нею навѣсъ на столбахъ, чтобы сохранить ее отъ дождей и снѣга. Навѣсъ этотъ совершенно напоминаетъ собою навѣсъ надъ домикомъ Петра Великаго на Петербургской Сторонѣ. Крыша навѣса деревянная, выкрашена ярко-зеленою краскою, съ одною выбѣленною трубою. Видимо, что труба эта не имѣетъ никакого отношенія къ избушкѣ и, можетъ быть, сдѣлана Хромовымъ для того, чтобъ съ улицы имѣлся видъ жилища помѣщенія съ тошкою.

Объ этой избушкѣ знаютъ и губернская администрація, и мѣстная жандармерія. Когда я спросилъ Дзерожинскаго, зачѣмъ собираются эти всякаго рода ложные слухи, вовсе не могущіе имѣть историческаго значенія, онъ

отвѣчалъ мнѣ, что дѣло возбуждено не администраціею, а жандармами. Вообще публика мало интересуется всѣмъ этимъ дѣломъ. Но нашелся одинъ господинъ, который говорилъ мнѣ: „Помилуйте! Каждая человѣческая душа имѣетъ такой тайникъ, въ который не заглянешь, который недоступенъ постороннему. При этомъ примите во вниманіе, въ какомъ тяжеломъ состояніи духа провелъ свои послѣдніе годы жизни покойный Государь. Вѣдь онъ и доносу Шервуда не далъ ходу. Мистикъ былъ и только-съ!“

Въ родѣ дневника.

11 Сентября 1882 г.

Прочелъ я въ газетахъ о переформированіи Крымско-Татарскаго кавалерійскаго дивизиона въ пѣшую команду *). Какъ уроженецъ Крыма, представляю себѣ, какъ это могло подѣйствовать на нижнихъ чиновъ. Крымскій Татаринъ тотъ-же Кавказскій горецъ въ отношеніи верховой ѣзды. Съ лошадью онъ связанъ съ дѣтства и до глубокой старости. Ызда верхомъ при условіяхъ гористой мѣстности южнаго берега Крыма для него необходимость и наслажденіе. Ни одна свадьба, ни одинъ праздникъ не обходятся безъ скачки. Кто не знаетъ прекрасной особой породы Крымской лошади съ ея особою „ходою“, въ особенности Байдарской долины, Ялтинскаго уѣзда? Къ сожалѣнію во время выхода Татаръ въ Турцію (1860—1862) всѣ лошади долины были ими увезены съ собою. Помню въ концѣ сороковыхъ годовъ скачки въ Симферополѣ съ призомъ серебряной вазы въ 150 рублей, на которыхъ Крымскіе скакуны обгоняли чистокровныхъ Англійскихъ скакуновъ. Послѣднихъ приводили изъ имѣній князя М. С. Воронцова.

Крымско-Татарскій эскадронъ былъ созданъ еще при Николаѣ Павловичѣ на счетъ Татаръ и принадлежалъ въ Петербургѣ къ конвою Его Величества. Ежегодно или черезъ 2—3 года для смѣны онъ формировался въ Симферополѣ и затѣмъ отправлялся въ Петербургъ, обыкновенно въ концѣ лѣта. Помню, что въ 50-ыхъ годахъ онъ помѣщался въ казачьихъ казармахъ на Обводномъ каналѣ. Впослѣдствіи эскадронъ былъ сокращенъ до двухъ взводовъ. Не могу сказать откуда, но сформированный эскадронъ при выступленіи въ Петербургъ получалъ деньги на руки, чуть-ли не по сту рублей на человѣка. Это подавало поводъ къ кутежамъ при прощаніи и тяжкомъ разставаніи, а также и по дорогѣ по уѣздамъ Симферопольскому, Евпаторійскому и Перекопскому, гдѣ единовѣрцы встрѣчали новобранцевъ.

По докладѣ объ этомъ Таврическому гражданскому губернатору Пестелю, сей послѣдній распорядился, чтобъ деньги на руки не раздавать въ Симферополѣ, а въ мѣстечкѣ Каровкѣ. Мѣстечко это въ 200-хъ верстахъ отъ Симферополя, на берегу Днѣпра, при переправѣ черезъ Днѣпръ въ заштатный городъ Херсонской губерніи Бериславъ.

*) Можетъ быть, была газетная ошибка, такъ-какъ знаю, что дивизионъ существуетъ (1896 г.).

Эскадронъ взбунтовался и отказался присягать. Загнали его пѣшимъ во дворъ городской полиціи. Пріѣхалъ Пестель и началъ увѣщевать, хотя ни одинъ изъ новобранцевъ ни слова не понималъ по-русски. Дѣлу помогали переводчики. Долго шло безплодное увѣщаніе. Присягать отказывались! Тогда Пестель, обыкновенно сдержанный, вспыхнулъ, обнажилъ саблю и ударилъ перваго стоявшаго возлѣ него Татарина. Затѣмъ началось поголовное наказаніе розгами, а послѣ этого присяга. Деньги все-таки выдали въ Каровкѣ. Случай этотъ происходилъ въ 1845 или 1846 годахъ, о чемъ конечно послѣдовало донесеніе въ Петербургъ министру внутреннихъ дѣлъ графу Л. А. Перовскому. Государь Николай Павловичъ приказалъ доложить ему о времени прибытія эскадрона въ Петербургъ. Долго никто не зналъ о судьбѣ эскадрона, путь котораго составлялъ 2100 верстъ съ неизбѣжными днѣвками, да еще въ осеннюю и чуть не зимнюю пору. Наконецъ пришло страшное извѣстіе: по прибытіи эскадрона въ Петербургъ Государь приказалъ всѣхъ нижнихъ чиновъ размѣстить по армейскимъ пѣхотнымъ полкамъ, сравнивъ ихъ общемою службою на 25 лѣтъ! Понятно, что послѣ этого срока никто почти на родину, въ Крымъ, изъ нихъ не возвратился. Всѣ они погибли отъ суровой дисциплины, Русской пищи и незнанія Русскаго языка. Одного только изъ нихъ старика-кузнеца въ 1861 году встрѣтилъ я въ Байдарахъ, но и тотъ ушелъ въ Турцію вслѣдъ за другими. Прослужилъ онъ ровно 25 лѣтъ въ какомъ-то армейскомъ полку и уже прекрасно говорилъ по русски.

Изъ Ногайцевъ, которыхъ въ Днѣпровскомъ, Мелитопольскомъ и Бердянскомъ уѣздахъ считалось до 30 т., въ эскадронъ не брали. Графъ-де-Мезонъ, въ началѣ 20-ыхъ годовъ сжегъ въ одинъ день всѣ Ногайскія кибитки. Я слышалъ это отъ покойнаго моего отца, прослужившаго въ Крыму съ 1812 по 1859 годъ, но очень многое не удержалось въ моей памяти. Отецъ еще видѣлъ въ степяхъ Днѣпровскаго, Мелитопольскаго и Бердянскаго уѣздовъ траву, закрывавшую всадника, и табунъ дикихъ лошадей, при чемъ земля продавалась по 30 коп. серебр. за десятину.

Нагайцы не хотѣли заниматься земледѣліемъ и жить осѣдло; они перекочевывали съ своими многочисленными табунами съ мѣста на мѣсто по привольнымъ степямъ. Предполагаю, что де-Мезонъ былъ въ распоряженіи, генераль-губернаторовъ дюка-де-Ришелье или графа Ланжерона и не безъ разрѣшенія одного изъ нихъ такъ круто поступилъ съ Нагайцами. Онъ приказалъ имъ всѣмъ собраться въ одно мѣсто, и тутъ-же въ одинъ разъ были сожжены всѣ ихъ кибитки. Волей-неволею пришлось Нагайцамъ перемѣнить образъ жизни, и тотъ, кто до поголовнаго ихъ выхода въ Турцію былъ въ Таврической губерніи, тотъ знаетъ, какимъ они пользовались довольствомъ, перенимая для себя отъ сосѣдей, Нѣмцевъ Менонитскихъ колоній, все полезное для хозяйства.

*

О выселеніи по высочайшему повелѣнію на Кавказъ Молоканъ, жившихъ въ Мелитопольскомъ и Бердянскомъ уѣздахъ, я слышалъ такъ. Въ проѣздъ черезъ одно изъ ихъ селеній покойной Великой Княгини Елены Павловны, она не могла не обратить вниманіе на ихъ богатство. Федоръ Васильевичъ Эссенъ, тогда исправникъ или, можетъ быть, предводитель дворянства, представилъ Великой Княгинѣ Молоканъ, какъ людей секты вредной для правительства. Говорили, что Эссенъ не долюблялъ Молоканъ, имѣя съ ними земельные споры. Прошло немного времени послѣ отъѣзда Великой Княгини въ Петербургъ, какъ послѣдовало высочайшее повелѣніе выселить ихъ на Кавказъ. Несомнѣнно, что въ губернскомъ архивѣ должны храниться дѣла объ этомъ несчастномъ выселеніи, впоследствии впрочемъ пріостановленномъ; но уже тогда остались невыселенными и теперь существующія три селенія: Васильевка, Астраханка, третьяго не припомню. Понятно, что это переселеніе разорило ни въ чемъ неповинныхъ, богатыхъ и безусловно трезвыхъ людей, оказавшихъ впоследствии столько услугъ нашему правительству доставкою подводъ - фургоновъ во время военныхъ дѣйствій на Кавказѣ въ 1853—1856 и 1877—1878 годахъ. Для сопровожденія Молоканъ на Кавказъ были командированы чиновники отъ губернатора на всю длинную дорогу (Молокане поселились къ Александрополю).

Съ 1859 года по 1864 я служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при Таврическомъ губернаторѣ, ген.-лейт. Григоріи Васильевичѣ Жуковскомъ, постоянно разъѣзжая по губерніи для производства слѣдствій и дознаній; тогда не было еще судебныхъ слѣдователей, а по назначеніи ихъ и до введенія правилъ 1865 года за чиновниками особыхъ порученій оставались слѣдствія по преступленіямъ должностей. Посѣщая Молоканскія селенія, я не могъ не знать, какой они приносили доходъ уѣздной полиціи. По закону Молокане не имѣютъ права держать у себя въ услуженіи православныхъ; но, при большомъ хозяйствѣ, сѣнокосахъ и въ особенности овцеводствѣ, они не могли справиться безъ помощи постороннихъ рабочихъ, нанимая ихъ большею частью съ 9 Мая по Октябрь. Для того, чтобы полиція смотрѣла на это сквозь пальцы, каждое село уплачивало ежегодно: исправнику 3000, становому приставу 1500, да кромѣ того на канцелярію полиціи и т. п. Издавая подобный законъ, законодатель не могъ не имѣть въ виду, что при такихъ условіяхъ Молоканское хозяйство должно было сократиться. Никогда никакими своими ходатайствами Молокане никакого начальства не обезпечили. Но тяжело достался этотъ законъ Молоканамъ, когда въ 1860—1862 годахъ Нагайцы выселились поголовно, а изъ нихъ много служило у нихъ табунщиками и пастухами стадъ. Полнѣйшая трезвость, благочиніе, богатство и довольство при безусловно-скромной жизни невольно поражали каждого, посѣщавшаго ихъ селенія. Весь грѣхъ ихъ заключался въ томъ, что они будто-бы за Царя не молятся. Никогда ни въ Таврической Уголовной Палатѣ со дня ея основанія, ни въ одномъ изъ уѣздныхъ судовъ не было дѣлъ о Молоканъ, совершившемъ какое либо преступленіе кромѣ дѣлъ съ ложными доносами объ оскорбленіи словами Его Величества.

*

1882 г. Томскъ.

Въ Августѣ 1872 года Таврическимъ губернаторомъ былъ назначенъ свиты Его Величества генераль-маіоръ Александръ Александровичъ Кавелинъ, сынъ генерала Кавелина, бывшаго воспитателемъ Государя Александра II и впоследствии Петербургскимъ генераль-губернаторомъ. Пріѣхалъ онъ въ Симферополь за нѣсколько дней до прибытія Государя въ Ливадію и обратился къ вице-губернатору Лапшо-Данилевскому съ просьбою рекомендовать ему человека, знающаго край. Я былъ тогда въ отставкѣ и жилъ въ Крыму, пользуясь кумысомъ. Лапшо-Данилевскій указалъ на меня и, отказавшись отъ предложенія занять должность чиновника особыхъ порученій, я поѣхалъ въ Ялту съ Кавелинымъ въ качествѣ его личнаго секретаря. Государь прибылъ въ Ялту изъ Севастополя на пароходѣ, кажется, Эрикликъ, 26 Августа, и отбылъ пароходомъ-же въ Одессу 21-го Ноября.

Во время этого пребыванія произошелъ слѣдующій случай. Когда Государь въ коляскѣ, днемъ, между 2 и 3 часами, проѣзжалъ черезъ Мордвиновскій садъ, то внезапно вышедшій изъ-за дерева человекъ схватилъ возжи и остановилъ лошадей. Это было сдѣлано такъ мгновенно, что лейбъ-кучеръ Фроль совершенно растерялся. Неизвѣстный, одѣтый въ двубортный военный сюртукъ съ бѣлыми пуговицами, быстро подошелъ къ Государю и подалъ ему прошеніе. Государь взялъ прошеніе и спросилъ: „Кто ты такой?“ „Отставной артиллеристъ“, отвѣчалъ неизвѣстный. „Пошелъ!“ крикнулъ Государь кучеру, и экипажъ тронулся далѣе. Спустя нѣсколько часовъ послѣ этого, прислалъ за мною и исправникомъ И. И. Зефиропуло губернаторъ Кавелинъ, пріѣхавшій изъ Ливадіи. Онъ передалъ намъ о случившемся, добавивъ, что Государь разгнѣванъ дерзостью артиллериста и приказалъ разыскать его. Кавелинъ не рѣшился попросить у Государя поданное ему прошеніе, что затрудняло насъ розысками „артиллериста, но съ бѣлыми пуговицами“. Подняли мы на ноги всю полицію, т. е. 10 нижнихъ чиновъ и 4-хъ полицейскихъ чиновниковъ, а я поѣхалъ просить содѣйствія начальника губернскаго жандармскаго управленія подполковника Николая Александровича Самойлова. У него кромѣ своихъ жандармскихъ нижнихъ чиновъ были еще командированные изъ Херсона и Екатеринослава. Пока шли розыски, мнѣ пришло на мысль поѣхать въ Ливадію, чтобы узнать тамъ что либо. Въ Императорской Главной Квартирѣ очень удивились моему разсказу и отозвались полнымъ невѣдѣніемъ о поданномъ прошеніи. Въ военно-походной канцеляріи тоже самое. Графъ А. В. Адлербергъ, которому Государь могъ передать прошеніе, уѣхалъ въ Оріанду. Отправился я къ начальнику охранной стражи статскому совѣтнику Федору Федоровичу Г. (котораго впрочемъ все называли „Зайцемъ“). Сначала статскій совѣтникъ совершенно растерялся, потомъ обидѣлся, какъ ему, охранителю, не знать такой ужасной *Geschichte*, а потомъ началъ увѣрять меня, что ничего подобнаго произойти не могло: иначе-бы ему донесли его подчиненные. Достаточно посмѣявшись надъ Г., я повелъ его въ конюшенный дворъ къ Фролу-

Вызвали Фрола. Ну, рассказывай, какъ было дѣло, обратился я къ нему, и онъ, не безъ волненія, подтвердилъ выше сказанное мною. Тогда Г. окончательно растерялся. Онъ увѣрилъ меня, что по всему пути слѣдованія Государя у него была разставлена стража, которая обязательно донесла-бы ему о случившемся, но что онъ ничего не знаетъ.

За обѣдомъ Государь спросилъ Кавелина: „А что-жъ, нашли этого человѣка?“ Къ счастью нашему, онъ случайно былъ разысканъ полицейскимъ надзирателемъ Ленгаровымъ, а прошеніе его уже находилось въ рукахъ Кавелина. Было оно написано отъ имени повѣреннаго казаковъ Полтавской станицы, Кубанскаго казачьяго войска, отставнымъ рядовымъ крѣпостной артиллеріи Дубенко и заключалось въ укоризнахъ, зачѣмъ урѣзываются земли у казаковъ и роздаются офицерамъ. Дубенко тотчасъ-же объявилъ себя; но, не смотря на всѣ улики и наши убѣжденія, безусловно отрицалъ подачу просьбы Государю. Въ это время находился въ Ялтѣ атаманъ Кубанскаго казачьяго войска ген.-лейт. Кармалинъ. Къ нему-то я и повелъ Дубенко, и хорошо помню это свиданіе.

— Ты Дубенко?

— Такъ точно, ваше в-во.

— Ты вчера подавалъ просьбу Государю?

— Такъ точно, ваше в-во.

Послѣ такого признанія Кармалинъ совершенно покойно сталъ выговаривать Дубенкѣ всю глупость его поступка: онъ и не могъ быть довѣреннымъ отъ станичниковъ, какъ неприписанный къ ихъ обществу, и ему не могло быть неизвѣстно, что многіе уже были наказаны за подобныя прошенія. Затѣмъ Кармалинъ просилъ меня сохранить Дубенку до будущей недѣли, до отъѣзда его на Кавказъ, куда онъ возметъ его съ собою. Съ исправникомъ Зефиropуло мы порѣшили помѣстить Дубенку при тюрьмѣ, въ отдельной чистой комнатѣ, такъ-какъ другого помѣщенія не было. Во время его сидѣнія я доставлялъ ему пищу и обѣдъ и, навѣщая его ежедневно, однажды спросилъ, сколько онъ получилъ отъ станицы за свою рискованную поѣздку? Сто рублей, отвѣчалъ Дубенко, съ путевыми расходами изъ этой-же суммы. Какъ я ни уговаривалъ сказать мнѣ правду, онъ все-таки клялся и божился, что только сто рублей. Вообще онъ былъ очень неразговорчивъ. Спустя недѣлю, я свезъ его на пароходъ, взялъ для него билетъ (о чемъ позабылъ генераль Кармалинъ) и сдалъ сему послѣднему. Какая судьба постигла Дубенку, не пришлось узнать, но многое узналъ я о Г. Нѣмецъ по происхожденію, но „Нѣмецъ на Русской службѣ“, родственникъ извѣстнаго Шульца, заправлявшаго III Отдѣленіемъ многое число лѣтъ, Г. былъ ненавидимъ въ Ливадіи всѣми безъ исключенія, даже придворными пѣвчими, съ которыми, кажется, уже никакъ не могъ имѣть никакихъ сношеній. Въ особенности не любилъ его и просто дерзко обращался съ нимъ

комендантъ Императорской Главной Квартіры генераль-адъютантъ Рылѣевъ. Шефъ жандармовъ Александръ Львовичъ Потановъ также не благоволилъ къ Г.; за то онъ былъ въ почетѣ при графѣ П. А. Шуваловѣ. Всѣ знали, что онъ ровно ничего не дѣлаетъ, проводи цѣлые дни въ Ялтѣ и норовя по скупости поѣсть на чужой счетъ. Единогласное было мнѣніе, что онъ артистически выводитъ отчеты о своихъ подчиненныхъ, которыхъ въ Петербургѣ у него находилось половина противу показываемыхъ на бумагахъ и получавшихъ жалованье. Помощниковъ у него въ Ялтѣ и Ливадіи было 7—10; но лучше всего, что ихъ знали *всѣ*, кому знать не слѣдовало. Казалось-бы, въ Ялту можно было выбрать способныхъ людей, но всѣ они были непризнанные сыщики Петербургской и Московской сыскныхъ полицій. Между ними былъ извѣстенъ любимецъ Г., лакей его, прозванный имъ „Бисмаркъ“, но, конечно, получавшій жалованье по спискамъ охранителей. Эти охранители или, какъ ихъ называли въ Ялтѣ, „тихошлѣны“, жаловались мнѣ на крайне скудное содержаніе, говоря, что таковое зависитъ отъ непосредственнаго усмотрѣнія г-на Г. Съ Г. въ 1872—1875 я встрѣчался въ Ялтѣ ежедневно. Исправникъ Зефиропуло не могъ переносить его, и нерѣдко на вопросъ, куда вы такъ слѣходите, Илья Ивановичъ, онъ отвѣчалъ: „Бѣгу, чтобы не видѣть Зайца. Вотъ видите, опять сидитъ у Персіанина и эксплуатируетъ его“. Дѣйствительно въ Ялтѣ въ домѣ городского головы В. А. Рыбицкаго былъ магазинъ съ Персидскими коврами, бирюзой и т. п. Но довольно о Г.; всякое воспоминаніе о немъ противно, да онъ уже давно сошелъ съ своего пьедестала.

*

Лѣтомъ 1882 года находился въ Томскѣ извѣстный талантливѣйшій слѣдователь корпуса жандармовъ капитанъ Ивановъ, съ товарищемъ прокурора Кіевского Окружнаго Суда Романовымъ. При разговорѣ съ Ивановымъ онъ высказался, что если послѣдняя ужасная катастрофа 1 Марта послѣдовала, то, можетъ быть, отчасти и потому, что К. (жандармскій офицеръ, начальникъ охранной стражи) содержалъ людей наполовину показываемыхъ въ отчетахъ, отчего по Екатерининскому каналу ихъ, за недостаткомъ, было раставлено гораздо менѣе, чѣмъ слѣдовало, и что они-же не замѣтили Рысакова съ его ношею. Въ этотъ пріѣздъ гг. Иванова и Романова въ Томскъ я жилъ въ Европейской гостиницѣ, временно завѣдуя ею, до сдачи ея. Пріѣзжаетъ ко мнѣ полицмейстеръ А. Е. Дзерожинскій и предъявляетъ фотографическую карточку съ вопросомъ, не знаю ли я такую личность? Я отвѣчалъ, что знаю и что это Русаковъ, владѣлецъ сырной лавки на Малой Садовой. При этомъ Дзерожинскій разсказалъ мнѣ, что Русаковъ до моего житія еще въ гостиницѣ въ 1881 году жилъ въ ней провѣдомъ, что необходимо разслѣдовать. Позвалъ я номернаго средняго этажа (съ 10 номерами) Лаврентія и предъявилъ ему карточку. Лаврентій, какъ и другіе, отзывались незнаніемъ такой личности. Показалъ я карточку швейцару Ивану Андрееву Ботеневу, который опредѣленно разсказалъ, что этотъ господинъ еще съ другимъ и барынею пріѣхали съ Иркутскаго тракта и останавливались въ № 9

сутокъ двое, а затѣмъ выѣхали на пароходъ въ Тобольскъ; что это памятно Ботеневу потому, что онъ носилъ въ полицію для прощски подорожную господина, но оттуда ее возвратили ему, сказавъ, что нуженъ документъ. Начали мы съ Дзерожинскимъ разсматривать сохранившуюся книгу гостиницы 1881 года о проезжающихъ, и дѣйствительно въ ней оказалась записъ: что такого-то числа, кажется въ Августъ, прибылъ и остановился въ № 9, Могилевскій мѣщанинъ (не помню фамиліи) и отбылъ тогда-то; но спутникъ его и спутницы прописаны не были. Еще добавилъ Ботеневъ, что *всѣхъ трехъ личностей онъ хорошо помнитъ потому, что вносилъ ихъ вещи въ номеръ по пріѣздѣ и выносилъ таковыя на извозчика при отъѣздѣ на пароходъ.*

Вѣсть о пріѣздѣ капитана Иванова облетѣла Томскъ съ быстротою Жидовской почты. Вотъ теперь ихъ будутъ судить, говорили жители. Кого судить? Вотъ это-то я и хочу разъяснить. Въ ночь съ 24 на 25 Декабря 1881 года послѣ полуночи полиція и жандармы одновременно производили обыски у разныхъ лицъ, въ разныхъ мѣстахъ города. Удивительно только одно, что на другой день утромъ, не смотря на большой праздникъ, когда и лавки, и магазины, и даже питейныя заведенія заперты, всѣ въ городѣ знали объ этихъ обыскахъ, а въ особенности биржевые извозчики, до подробностей. Остановливаясь на обыскѣ квартиры Орлова на Воскресенской горѣ, доставшейся на долю полицмейстера Дзерожинскаго.

Идя въ квартиру Орлова, съ извѣстными Сибирскими лѣстницами въ темную ночь, ни Дзерожинскій, ни спутникъ его, старшій городской Андрей Ивановичъ Чертенковъ, хотя оба курящіе, не догадались запасти съ собою спичками. Отъ этого вышла нѣкоторая неловкость. Взойдя, наконецъ, ощупью по темной лѣстницѣ, Дзерожинскій, ощупалъ полуоткрытую дверь и.... могъ печально окончить свою жизнь въ сортирѣ. Прошла одна бѣда, а за нею всегда слѣдуетъ другая. Понявъ, что полуоткрытая дверь въ отхожее мѣсто не есть входъ въ квартиру, нашли другую дверь и робко постучали въ нее. Опять неудача. Въ отвѣтъ послышался неистовый лай собаки. Гости невольно взяли за шанги для самообороны. Наконецъ отворилась дверь, вышелъ хозяинъ въ одномъ бѣльѣ, а за нимъ громаднѣйшая собака, не перестававшая лаять и мѣшавшая разговору. Тѣмъ не менѣе, Дзерожинскій кое-какъ высказалъ жильцу Орлову просьбу слѣдовать за нимъ. Орловъ отвѣчалъ, что ему необходимо одѣться и съ этими словами вышелъ въ другую комнату; за нимъ хотѣлъ прослѣдовать и полицмейстеръ, но вѣрный песъ оставался въ первой комнатѣ, слѣдя за посѣтителями и рыча при малѣйшемъ ихъ движеніи. Оба гостя не смѣли шевельнуться и изображали изъ себя двѣ статуи, но только въ полицейской формѣ, въ каковой не изображались они еще пока ни однимъ скульпторомъ. Прошло немного времени, песъ направился въ другую комнату. Полиція вздохнула покойно. Постояли еще въ ожиданіи, не появится-ли обратно проклятый песъ. Нѣтъ. Въ соседней комнатѣ тишина полнѣйшая. Ободрилась полиція, ощущала эфесы ша-

шекъ, осмотрѣла револьверы. Все въ порядкѣ. Двинулись во вторую комнату съ подобающею въ военное время осторожностью. Вошли. Въ комнату пуста; ни человѣка, ни пса, смятая кровать и огарокъ свѣчи, задуваемый открытымъ окномъ, выходящимъ на крутой откосъ къ Больше-Подгорной улицѣ. Вотъ такъ фрукта, какъ выражается одинъ милѣйшій чиновникъ въ Томскѣ. А фронтъ! Пока несъ сторожилъ полицію, Орловъ успѣлъ одѣться и, вмѣсто того, чтобы выйти къ Дзержинскому по его вѣжливой просьбѣ, почелъ за болѣе удобное выйти черезъ окно, оставивъ начальника города при печальномъ интересѣ. Мѣсяца черезъ два Орловъ былъ разысканъ и отвезенъ въ сопровожденіи врача Смирнова и жандармовъ въ Казань, въ домъ умалишенныхъ. Говорили въ городѣ, что въ квартирѣ его было найдено множество оттисковъ печатей и т. п. Въ эту-же ночь были послѣ обысковъ арестованы, какъ рассказывали, какой-то Поспѣловъ, фотографъ Николай, впоследствии освобожденный, Шварцъ и другіе. Арестъ Шварца интересовалъ очень многихъ Томскихъ дамъ. Лично я не зналъ его, но слышалъ, что это былъ человѣкъ съ прекраснымъ образованіемъ, принимавшій самое живое участіе въ возстаніи 1863 года. До возстанія онъ жилъ въ Парижѣ, гдѣ былъ принимаемъ императрицею Евгеніею и, осужденный въ каторжныя работы, былъ помилованъ по ходатайству Наполеона III. Сосланный сначала въ Оренбургъ, онъ затѣмъ жилъ въ Томскѣ. Относительно Александра Петровича Дзержинскаго нельзя умолчать, что это былъ „первый“ со времени покоренія Сибири въ Томскѣ полицмейстеръ, который не бралъ взятокъ и не пользовался подарками. Онъ былъ истинный служака, именно противоположность тому, какъ у насъ еще и до сихъ поръ говорятъ: „Полякъ въ Русской службѣ“. Напротивъ, если-бъ ему приказали самолично заковать роднаго отца, то рука-бы у него не дрогнула.

*

Было мнѣ лѣтъ семь, когда я жадно слушалъ рассказы покойнаго двоюроднаго брата моего отца, отставнаго капитана Якова Ивановича Медвѣдева о походѣ 1812 года, о взятіи Парижа и т. п. Въ какомъ драгунскомъ полку служилъ дядя, не знаю; но помню, что воротникъ мундира былъ бирюзоваго цвѣта. Службу онъ началъ при императорѣ Павлѣ. Государь дѣлалъ смотръ этому полку и, оставшись недоволенъ однимъ изъ эскадронныхъ командировъ, приказалъ его изъ полка выбросить. Приказаніе это повторено было три раза. Задумался командиръ полка, какъ въ точности исполнить приказаніе. Вотъ и собралъ онъ совѣтъ изъ всѣхъ офицеровъ полка. Совѣтъ этотъ продолжался отъ 6 ч. утра и до полуночи. Закусывали, пили, опять пили, опять закусывали, отобѣдали; но дѣло не подвигалось. И всетаки придумали и порѣшили: провинившагося эскадроннаго командира положить на офицерскую шинель. Потомъ далеко, далеко отнесли за мѣсто расположенія полка, качали, раскачали и выбросили на землю. Когда императоръ Павелъ узналъ объ этомъ, то будто бы остался доволенъ.

Въ г. Николаевѣ Херсонской губерніи я зналъ отставнаго генераль-маіора флотскихъ ластовыхъ экипажей совершенно слѣпнаго старика Голенищева. Дослужившись до такого чина, онъ не имѣлъ ни единого ордена, что называется Станислава въ петлицѣ. Причина была та, что управлявшій Морскимъ Министерствомъ князь Меншиковъ не любилъ Голенищева и постоянно вычеркивалъ его изъ наградныхъ списковъ. Однажды въ Ревелѣ, за обѣдомъ у одного в. адмирала, сей послѣдній, воспользовавшись хорошимъ расположеніемъ князя, сказалъ ему: вотъ, молъ, ваше сіятельство у меня въ Ревелѣ есть рѣдкость, именно Голенищевъ, дослужившійся до большаго чина и не имѣющій ни одного ордена; разрѣшите представить его къ соотвѣтствующей наградѣ. — Видишь-ли что, отвѣчалъ князь Меншиковъ. Ты говоришь, что это рѣдкость; съ этимъ я согласенъ, и рѣдкостями надо дорожить. Если-же онъ получитъ орденъ, то ужъ рѣдкостью не будетъ; значить, пусть лучше рѣдкостью и остается. Береги ее!

*

Въ городѣ Юхновѣ, Смоленской губерніи, болѣе двадцати лѣтъ проживалъ скончавшійся въ 1881 году Матвій Алексѣевичъ Богдановъ. Долгое время онъ служилъ у Кокорева, многое извѣдалъ на своемъ вѣку, много видѣлъ откуснаго зла и остался честибѣйшимъ и добрѣйшимъ человѣкомъ, готовый помочь каждому, но потихоньку, чтобъ это никому не было извѣстно. Вотъ одно изъ его воспоминаній прежней службы.

Пріѣхалъ онъ какъ-то въ Москву, вызванный Кокоревымъ по экстренному дѣлу, но не заставъ его, тамъ прослѣдовалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ нашелъ странный переполохъ. Солдатамъ строжайше было запрещено посѣщать питейныя заведенія, служившія нерѣдко и притонами разврата. Однажды Государь Николай Павловичъ, проѣзжая по улицѣ, увидалъ солдатъ выходящихъ изъ кабака, въ которомъ, какъ впоследствии оказалось, были и женщины. Въ тотъ-же день послѣдовало распоряженіе: всѣхъ безъ исключенія цѣловальниковъ изъ всѣхъ кабаковъ Петербурга собрать во дворъ зданія Главнаго Штаба; затѣмъ, всѣхъ цѣловальниковъ, годныхъ къ военной службѣ, взять въ солдаты, а негодныхъ отправить въ Кронштадтскія арестантскія роты. Тутъ-же началась сортировка и общее бритье головъ. Кокоревъ бросился къ власти имущимъ, умоляя о заступничествѣ. Едва, едва удалось упросить Государя помиловать кабацкое войско, но за то долго спустя видѣлись въ кабакахъ бритыя головы цѣловальниковъ.

*

20 Сентября 1882.

По поводу случая съ Дубенко вспоминаю о царской охотѣ, бывшей въ 1872 году въ четырехъ верстахъ отъ почтовой станціи Таушанъ-Базаръ (Заячій Рынокъ), на почтовой дорогѣ между г. Симферополемъ и Алуштою, въ 23 верстахъ отъ послѣдней. Охота была на дикихъ козъ, и отчасти начинался и оленій ревъ, когда самцы - олени вызываютъ самокъ. Помѣщеніе

для Государя было приготовлено въ небольшомъ домикѣ лѣсной стражи. Благодаря Симферопольскому уѣздному исправнику Завадовскому и Симферопольскимъ купцамъ, давшимъ множество ковровъ, стѣны, потолоки, полы все было обито коврами. Независимо того была устроена и плита. Государь легъ почивать въ 10 часовъ въ виду рано предетоявшей охоты, а также раземѣстившаяся на почтовой станціи свита. Все затихло, замерло. Не спали только исправникъ, становой приставъ, полиція и жандармы. Вдругъ во 2-мъ часу ночи внезапно загорается крыша домика. Разбудили Государя, который такимъ образомъ всю ночь, до 6 часовъ утра, просидѣлъ на пожарѣ. Охота совершенно не удалась; не было убито ни одного оленя, ни одной козы. По окончаніи охоты Государь поѣхалъ въ Ливадію, не вставъ для приготовленной закуски въ Алуштѣ, и прибылъ въ Ливадію еще засвѣтло. У дворца, между прочими лицами находился и Таврической губернаторъ г.-м. Рейтернъ, въ 1872 году получившій назначеніе военнаго агента въ Берлицъ. Едва Государь вышелъ изъ экипажа, какъ обратился къ Рейтерну со словами: У тебя почтовые лошади дрянъ, у деревень нѣтъ столбовъ съ подпирками, шоссе дрянъ.... Я не могу отвѣчать за шоссе, перебилъ Государя Рейтернъ, пока имъ будетъ завѣдывать полковникъ Ш.

Причина бывшаго въ лѣсномъ домикѣ пожара, послѣ тщательнаго разслѣдованія, конечно выяснилась. Повара, нетерпѣливые къ медленно горѣвшимъ будто бы сырмъ дровамъ, подбрасывали подъ плиту по нѣсколькимъ фунтовъ сливочнаго масла, чего не привыкшая къ такой роскоши скромная труба не выдержала. Полковникъ Ш, то въ формѣ путей сообщенія, то военнаго инженера, остался въ Крыму послѣ Крымской кампаніи, завѣдывая южно-бережскимъ шоссе. Объ умѣннн собирать доходы съ каждаго камешка, идущаго на шоссе, ходили слухи ужъ именно баснословные. Это не стѣняясь говорилъ ему въ глаза и при свидѣтеляхъ бывший губернаторъ Жуковскій, а Ш. никто иначе не называлъ, какъ стотысячный инженеръ.

Меня всегда разбиралъ смѣхъ, когда бывало Ялтинскій исправникъ Зефироуло спрашивалъ полицейскаго солдата Петрова, какъ это штабсъ-капитанъ Ш., когда начались выстрѣлы Инкерманскаго сраженія, спрятался подъ мостъ, чему Петровъ былъ очевидцемъ. И Петровъ, Севастополецъ, а въ послѣдствіи Сербскій доброволецъ, простодушно передавалъ подробности о подвигѣ Ш.

*

Въ 1855 году въ VІ классѣ Училища Правовѣдѣнія находился 13—14 лѣтній воспитанникъ Прокофій Адриановичъ Устимовичъ, роста немного ниже Государя Николая. Помню, что это было осенью; распустили насъ послѣ обѣдни, и Устимовичъ черезъ Прачешный мостъ направился по дворцовой набережной. На встрѣчу ему шелъ Государь Николай Павловичъ. Остановившись противу вытянувагося во всю свою длину Устимовича, Государь быстро спросилъ его: Правовѣдъ? — Такъ точно, протянулъ

Устимовичъ.—Хочешь въ военную службу? быстро спросилъ его Государь.— Нѣтъ, не хочу, Ваше Величество, медленно и вяло отвѣчалъ Устимовичъ.—Ну, такъ поди и скажи своему директору, что ты дуракъ, добавилъ Государь.—Слушаю, отвѣчалъ Устимовичъ и медленнымъ шагомъ направился въ Училище. Испуганный директоръ Александръ Петровичъ Языковъ полетѣлъ къ принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому, а послѣдній къ Государю извиняться за Устимовича. На долго послѣ этого Устимовичъ былъ лишенъ отпуска, а товарищи подтрунивали надъ нимъ, прося его сознаться, что онъ дѣйствительно таковъ, какимъ наименовалъ его Николай Павловичъ. Ужъ если самъ Государь назвалъ тебя такъ, подтрунивала молодежь, такъ и толковать нечего.

Покойный Государь очень не благоволилъ къ нашему Училищу послѣ того, какъ нѣсколько человѣкъ старшихъ классовъ были замѣнены въ дѣлѣ Петрашевскаго. Изъ нихъ помню одну фамилію Головинскаго и затѣмъ рассказы старыхъ правовѣдовъ, что приговоренные къ казни черезъ повѣшеніе правовѣды были помилованы. Директоръ былъ немедленно устраненъ, и какъ-бы въ отместку гражданскому заведенію былъ назначенъ директоромъ полицмейстеръ г. Риги Александръ Петровичъ Языковъ, болѣе двадцати лѣтъ правившій Училищемъ. Кромѣ того всѣ гражданскіе воспитатели (иныхъ и не было) были замѣнены гвардейскими офицерами, что продолжалось до восшествія на престолъ Александра II-го, когда имъ было предложено или, сбривъ усы, переименоваться въ гражданскій чинъ, или оставить Училище. И все это было исполнено безпрекословно всѣми воспитателями кромѣ капитана Прусскаго полка Роберта Робертовича Риттера, не желавшаго разстаться съ своимъ военнымъ мундиромъ.

Долго послѣ 1849 года Государь Николай Павловичъ не посѣщалъ Училища Правовѣдѣнія, а затѣмъ, изрѣдка посѣщая его, не иначе здоровался съ правовѣдами, какъ, здорово, ребята!

*

11 Іюля 1883 года.

Покойный Павелъ Александровичъ Всеволожскій, двоюродный братъ командира Кронштадтскаго порта Всеволожскаго, бывшій Балтійскій морякъ, впоследствии начальникъ комиссаріатской части въ Николаевѣ и затѣмъ правитель канцеляріи г. военнаго губернатора г. Николаева (ген. адъютанта, вице-адмирала Глазенапа), рассказывалъ мнѣ, что Государь Александръ Николаевичъ, по заключеніи мира 19 Марта 1856 года, сказалъ однажды князю А. С. Меншикову: „Я хочу учредить общія медали въ память минувшей войны. На одной сторонѣ будетъ: „*Съ нами Богъ*“; а какъ ты думаешь, что изобразить на другой сторонѣ?“ — Нашищите, Ваше Величество „и *Богъ съ вами*“, тоскливымъ тономъ проговорилъ Меншиковъ.

*

Служившій очень долго въ Восточной Сибири, а впоследствии по акцизу Василій Михайловичъ Петровъ рассказывалъ мнѣ, какъ очевидецъ,

20*

слѣдующій случай съ графомъ Муравьевымъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири. Нѣкто Крюковъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при графѣ, не стѣснявшемся иногда сказать чиновнику и крупное слово. Недовольный какимъ-то докладомъ Крюкова, графъ сказалъ ему: „Я тебя велю повѣсить!“ На это Крюковъ спокойно отвѣчалъ, что дѣйствительно „Муравьевыхъ“ (декабристовъ) вѣшали, но Крюковыхъ никогда, и съ этими словами вышелъ изъ графскаго кабинета. Затѣмъ, оставивъ генералъ-губернаторскій домъ, близъ котораго протекалъ какой-то ручей или канавка, Крюковъ прежде всего бросилъ въ воду трехъугольную шляпу, потомъ шагу и наконецъ снятый съ себя мундиръ, объяснивъ собравшейся толпѣ, что въ обезчещенномъ мундирѣ службы продолжать не можетъ. Объ этомъ доложили графу, послѣ чего они сдѣлались друзьями, и Муравьевъ возлагалъ на Крюкова разнообразныя порученія, въ особенности по горному дѣлу.

*

Въ 1874 году осенью покойный Государь Александръ III, будучи Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, проживалъ въ Ливадіи. Какъ говорили, Цесаревичъ не любилъ охотиться, но тѣмъ не менѣе прибылъ въ Алушту, въ 48 верстахъ отъ Ливадіи, а оттуда въ Татарскую деревню Корбекъ (Корбекли), въ 5—6 верстахъ отъ Алушты. На утро предполагалась охота на оленей и козъ, но по преимуществу на оленей, такъ какъ по времени года начинался ихъ ревъ.

Государь Наслѣдникъ помѣстился на почъ въ маленькомъ двухъэтажномъ Татарскомъ домикѣ д. Корбека, а внизу малочисленная прислуга, по преимуществу егеря. Одинъ изъ нихъ, подъ вліяніемъ можетъ-быть лишне вышитаго, или къ подобающей темѣ разговора, выразился такъ: „А кого-же не надувать, не объѣдать, не опивать какъ не Царскую фамилію!“ Подолокъ нижняго этажа и полъ верхняго въ Татарскихъ домахъ южнаго берега Крыма устроенъ такъ, что каждое слово, сказанное внизу, ясно слышно вверху. Эти-то слова, сказанныя егеремъ, слышалъ какъ я, такъ и другія лица, снавшія въ комнаткѣ рядомъ съ помѣщеніемъ Государя Наслѣдника.

А, что если это Наслѣдникъ слышалъ? сказалъ мнѣ подобравшійся ко мнѣ, лежавшему на полу, становой приставъ, честивѣйшій Лука Ивановъ Свищевъ. Не знаю, отвѣчалъ я ему шепотомъ. Велѣдъ за тѣмъ послышался намъ голосъ Цесаревича, приказывавшаго позвать къ нему егеря. Мы все притаились, замерли и прислушивались. Вскорѣ въ комнатку Цесаревича вошелъ призванный, и мы все слышали, какъ на вопросъ Его Высочества о чемъ онъ проповѣдывалъ, егеръ съ нахальною развязностью отвѣчалъ, что рѣчь была объ охотѣ: онъ-де доказывалъ, что если дикая коза бѣжитъ мимо охотника, то при быстротѣ ея бѣга надо цѣлить въ голову, и тогда пуля попадетъ въ плечо или спину и т. д. „Говори, только не проговаривайся“, сказалъ ему Цесаревичъ и приказалъ выйти.

Въ 1866 году ожидали изъ Петербурга въ Ливадію покойную Императрицу Марію Александровну. Поэтому изъ Николаева отправили въ Одессу императорскую яхту „Тигръ“ *) подъ командою капитана Владимира Петровича Шмидта, а съ нею, какъ конвоира и лучшаго ходока въ Черноморскомъ флотѣ, яхту главнаго командира „Казбекъ“, капитанъ-лейтенантъ Чайковскій. Не доходя до Очакова, „Тигръ“ на р. Бугѣ сталъ на мель, и его съ трудомъ стащили. „Казбекъ“, чинившійся въ адмиралтействѣ, выходя оттуда по рѣкѣ Ингулу подъ бульваромъ города, черкнулъ объ что-то дномъ, на что не обратили особеннаго вниманія, и оба парохода благополучно простояли на Одесскомъ рейдѣ дней десять не менѣе въ ожиданіи Императрицы. Только впоследствии предполагали, что „Казбекъ“ черкнулъ о какой нибудь лежавшей на днѣ рѣки якорь.

Отъ Одессы до Севастополя приблизительно часовъ 18 — 20. Императрица шла на „Тигръ“, на „Казбекъ-же“ помѣщалась часть лицъ сопровождавшихъ Государыню и багажъ. Когда въ открытомъ морѣ, пройдя уже Тарханкутскій маякъ и Евпаторію, оставалось до Севастополя часовъ 8, на „Казбекъ“ показалась сильная течь, принявшая вдругъ такіе размѣры, что откачивать воду приходилось уже паровою машиною, не останавливаясь ни на минуту, такъ какъ при малѣйшемъ перерывѣ прибывавшая вода задила-бы котель, и пароходъ долженъ былъ чуть ни моментально опуститься на дно. Можно себѣ представить ужасъ, который обуялъ пассажировъ. Малѣйшая порча въ машинѣ, и она перестанетъ выкачивать воду! Тутъ минута, чтобы дойти благополучно до Севастополя считалась уже не часомъ, а годомъ. Всѣ потеряли голову, всѣ молились, скорбно приготовляясь къ неминуемой смерти. Но ни на минуту не потеряли присутствія духа ни бравый командиръ, ни старшій офицеръ, ни команда. Они болѣе всѣхъ сознавали свое критическое положеніе. Едва-ли гг. капитанамъ нашихъ и иностранныхъ судовъ пришлось на своемъ вѣку переиспытать и перечувствовать то, что вынесли капитанъ и команда „Казбека“.

Чтобы выиграть время прихода въ Севастополь, Чайковскій рѣшилъ обогнать тихо ползущій „Тигръ“, но по Морскому Уставу не могъ этого сдѣлать безъ разрѣшенія, такъ какъ на „Тигрѣ“ находилось лице Императорской фамилии, а тѣмъ болѣе сама Государыня. Вахтенный офицеръ на „Тигрѣ“, лейтенантъ Рагуль, смотря вдаль, конечно не могъ замѣтить отчаянныхъ сигналовъ, подаваемыхъ позади идущимъ „Казбекомъ“. Наконецъ Чайковскій рѣшился на пушечный выстрѣлъ, очень встревожившій Императрицу. Тогда разрѣшили „Казбеку“ приблизиться, и онъ, не имѣя возможности остановиться ни на секунду, описавъ около „Тигра“ три круга, получилъ разрѣшеніе идти въ Севастополь. Неисповѣдимыми судьбами дойдя благополучно до Севастополя

*) Англійскій пароходъ „Тигръ“ былъ взятъ въ Крымскую кампанію на Пересыпи возлѣ Одессы. Послѣ взрыва уцѣлѣвшая машина его была поставлена на императорскую яхту „Тигръ“.

съ неперестававшими откачивать воду паровыми помпами, „Казбекъ“ выбро-
сился на мель. Глубина бухты не позволяла ему остановить дѣйствіе помпъ.

*

Не припомню въ томъ же году или послѣдующемъ, флагманъ Черно-
морскаго флота вице-адмиралъ Дюгамель отправился на „Казбекъ“ для осмотра
Черноморскихъ портовъ. Когда подходили къ Сухуму, на „Казбекъ“ былъ под-
нятъ сигналъ подать паровой катеръ. Съ берега отвѣчаютъ: „сигнала не пони-
маемъ“. Повторить, приказываетъ Дюгамель. Опять съ берега отвѣтъ тотъ же,
что „сигнала не понимаемъ.“ Въ третій разъ тоже самое. Тогда осмотрѣлись
на „Казбекъ“, и по ошибкѣ сигналъ оказался: „Взорваться на воздухъ!“ Понят-
но, что на берегу не понимали, за что такая казнь, да еще въ мирное время.

*

Вотъ конія письма моего къ покойному Михаилу Дмитріевичу Скобе-
леву, посланнаго ему, заказнымъ, 13 Юля 1880 г.

„Когда покойный докторъ Владимиръ Александровичъ Студитскій рѣшился
сопровождать в. п.—во въ экспедицію, онъ тотчасъ-же написалъ мнѣ объ
этомъ, спрашивая моего согласія, не поѣду-ли я съ нимъ съ тѣмъ, чтобы
состоять ординарцемъ при вашемъ п.—ѣ и вести записки объ экспедиціи для
напечатанія ихъ впослѣдствіи. Не могу выразить своего горя, когда я прочелъ
въ газетахъ о несчастной, безвременной кончинѣ В. А. Убѣдительнѣйше и
почтительнѣйше прошу приказать вкратцѣ извѣстить меня о его смерти,
поразившей веѣхъ болѣе тѣмъ, что покойный поѣхалъ съ конвоемъ въ 13 че-
ловѣкъ въ мѣстности неизвѣстной и окруженной непріателемъ. Упоминаю объ
этомъ потому, что хорошо помню, какъ возмущался В. А., слушая мой раз-
сказъ о несчастномъ дѣлѣ подъ Навагиномъ, гдѣ, какъ извѣстно в. п.—у, по-
гибла наша батарея и изрублено Черкесами полтора эскадрона гвардейскихъ
драгунъ. Прося в. п. извинить меня за смѣлость моей просьбы, въ надеждѣ, что
вы не откажете приказать удовлетворить ее, покорнѣйше прошу принять
увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и томъ уваженіи, которое испы-
тываетъ каждый Русскій, упоминая ваше имя. Надѣюсь также дожить до
того времени, когда исполнятся слова, сказанныя вамъ Османомъ-Пашою—
именно видѣть васъ фельдмаршаломъ“.

Впослѣдствіи я узналъ, что письмо ко мнѣ покойнаго Студитскаго было вы-
звано отказомъ извѣстнаго писателя Крестовскаго ѣхать въ Ахаль-Текинскую
экспедицію за поѣздкою его въ Китайскія воды съ адмираломъ Лѣсовскимъ.
Отвѣта на свое письмо я отъ Скобелева не имѣлъ, и уже мѣсяцевъ шесть
спустя получилъ письмо отъ одного изъ близко стоявшихъ при немъ лицъ,
извѣстившее меня, что Скобелевъ страшно былъ огорченъ моимъ письмомъ,
какъ-бы видя въ немъ съ моей стороны упрекъ, что докторъ Студитскій
былъ командированъ съ недостаточнымъ конвоемъ.

Бывшій секретарь и казначей Императорской Главной Квартыры Яковъ Афанасьевичъ Поповъ въ краткомъ разсказѣ передалъ мнѣ, въ Ливадіи въ 1875 году, о поѣздкѣ своей съ Государемъ Александромъ II изъ Петербурга въ Ниццу, когда было получено извѣстіе о безнадежномъ положеніи угасавшаго и безвременно сошедшаго въ могилу Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича. Поѣздъ шелъ съ такою скоростью, которая только допускается на желѣзной дорогѣ. Ужасъ овладѣвалъ свитою Государя, когда она видѣла, что отъ такой ѣзды не разъ загорались оси вагоновъ. За границую почти на каждой станціи была телеграмма на имя Государя о состояніи здоровья умирающаго. Каждый сочувствовалъ душевнымъ страданіямъ Государя и страху не застать въ живыхъ безнадежнаго.

Войдя въ покои Цесаревича, Государь поручилъ генералу Рихтеру предупредить больнаго, а самъ остался за портьерой.

— Рады бы Вы были, Ваше Высочество, видѣть Вашего Отца? спросилъ тихо Рихтеръ, подойдя къ постели Николая Александровича.— Да, отвѣчалъ Наслѣдникъ, но вѣдь это невозможно?! Государь не выдержалъ долѣе и вошелъ въ комнату. А, теперь я все понимаю! проговорилъ Цесаревичъ, какъ бы желая этимъ выразить сознаніе всей безнадежности своего положенія. Генералъ Рихтеръ вышелъ, оставивъ ихъ вдвоемъ. Черезъ 8 часовъ Наслѣдника не стало.

Въ 1863 году, покойный Цесаревичъ Николай Александровичъ изъ Симферополя проѣхалъ черезъ Перекопъ (по татарски „Оръ-Капи“, „много блохъ“), Мелитополь и до Бердянска, посѣтивъ колоніи Менонитовъ. Во всемъ обширномъ Бердянскомъ уѣздѣ находилось единственное помѣщичье имѣніе графини Толстой, село Обиточное, крестьяне котораго отказывались подписать уставную грамоту. При проѣздѣ Цесаревича они подали ему прошеніе, въ полной увѣренности, что распоряженіе по немъ послѣдуетъ отъ него-же. Прошеніе это изъ Бердянска было, по принадлежности, отослано Таврическому губернатору. На увѣренія мирового посредника и исправника, что вотъ какое распоряженіе по прошенію сдѣлалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, крестьяне говорили, что этого быть не можетъ. Наконецъ пришли къ такому обоюдному соглашенію: если имъ, крестьянамъ, покажутъ ихъ прошеніе, собственноручно поданное ими Цесаревичу и, значить, котораго онъ съ собою не увезъ въ Петербургъ, а передалъ мѣстной власти,—то тогда они согласны будутъ подписать уставную грамоту. Объ этомъ донесено было губернатору. Съ подлиннымъ прошеніемъ этимъ, для предъявленія крестьянамъ, былъ посланъ губернаторомъ Жуковскимъ самый бездарнѣйшій изъ чиновниковъ особыхъ порученій при немъ отставной штабсъ-ротмистръ Б... Увидавъ свое прошеніе въ рукахъ пріѣхавшаго къ нему губернаторскаго чиновника, крестьяне поразились, потомъ удивились, потомъ смирились и безпрекословно подписали грамоту. По исполненіи порученія, Б... подалъ губернатору рапортъ, въ которомъ, ссылаясь на извѣстную статью

III тома Свода Законовъ, что-то въ родѣ объ умирении возмущеній, ходатайствовалъ передъ губернаторомъ о награжденіи его орденомъ св. Владимира 4 степени. Г. В. Жуковскій, прочитавъ поданный ему рапортъ, взглянулъ на Б... и произнесъ только одно слово: „подлецъ“ (Генераль иногда выражался такъ). Но тѣмъ не менѣе представленіе министру было сдѣлано, и Б... былъ награжденъ,

Во время этого путешествія случился маленькій эпизодъ. Въ мѣстечкѣ Большой-Токмакъ, гдѣ въ то время была ярмарка, былъ назначенъ для Цесаревича ночлегъ. Утромъ, желая посмотрѣть ярмарку, Его Высочество отправился пѣшкомъ въ сопровожденіи Побѣдоносцева, Рихтера, адъютанта губернатора (бывшаго воспитанника Ришельевского Лицея) Адольфа Николаевича Изнара, исправника Ѳедора Николаевича Костюкова и пр. По улицѣ прямо на встрѣчу Наслѣдника бѣжалъ какой-то субъектъ въ одной рубашкѣ. Цесаревичъ подвигался впередъ, но мѣрѣ этого приближался къ нему бѣжавшій и упалъ въ ноги Наслѣднику со словами: „Мене Павло побивъ!“ „Отойди прочь“, сказалъ Его Высочество, толкнувъ его тихонько ногою, и продолжалъ путь. Присутствующіе были крайне сконфужены, а флегматичный исправникъ произнесъ даже какое-то междометіе. Оригинально то, что послѣ отъѣзда Цесаревича сотскіе и десятскіе по собственной инициативѣ учинили надъ бѣжавшимъ въ одной рубашкѣ собственный судъ и расправу. Они наградили его ста ударами розогъ, совѣтуя виноватому такъ не напиваться, и пострадавшій благодарилъ за науку, никому не жаловался, не апелировалъ и не касировалъ.

Упомянутый исправникъ Костюковъ во время высадки непріятеля 4 Сентября 1854 въ Евпаторіи былъ тамъ городничимъ. Трудно было подыскать болѣе флегматичнаго, невозмутимаго и неразговорчиваго человѣка какъ Ѳедоръ Николаевичъ. Если знаменитый санскритологъ Максъ-Мюллеръ сдѣлалъ любопытный сводъ исчисленія словъ у различныхъ народовъ, и Египетскіе іероглифы показываютъ, что мудрецы этой страны обходились только 900 словами, то Костюковъ едва-ли произнесъ такое количество за всю свою жизнь.

Когда всѣ жители, кромѣ Татаръ, бѣжали изъ Евпаторіи, Костюковъ невозмутимо наблюдалъ за этимъ и молчалъ. Когда-же наконецъ Турецкій десантъ на катерахъ приближался къ берегу, онъ не спѣша надѣлъ мундиръ, трехугольную шляпу, шпагу, перчатки и сталъ на пристани. Удивленные Турки спросили его, кто онъ такой. Костюковъ съ полнымъ достоинствомъ сказалъ только одно слово: „Городничій.“ Это былъ первый Русскій плѣнный. Долго маялся въ Константинополѣ, Марселѣ и Лондонѣ добровольный плѣнникъ, пока наконецъ заключенный миръ не возвратилъ его на родину. Когда любопытные спрашивали его о перенесенныхъ имъ мытарствахъ, онъ отмалчивался. Наконецъ однажды, выведенный изъ терпѣнія вопросами, какую онъ нашелъ разницу между Россіею и другими

государствами, въ которыхъ онъ перебивалъ, онъ отвѣчалъ. „Монета друга.“
 Много впечатлѣнія онъ не сохранилъ.

*

Разсказъ покойнаго Александра Михайловича Милорадовича, бывшаго въ Сербскую войну 1876 года начальникомъ Русско-Болгарской бригады.

Не помню, въ которомъ полку служилъ онъ, но кажется въ Вознесенскомъ уланскомъ. Въ Крымскую кампанію полкъ стоялъ подъ Евпаторією, гдѣ фуражъ доставался съ большимъ трудомъ и лошади перенадали. Они еще больше перенали въ тѣлѣ, сдѣлавъ по заключеніи мира походъ въ 500 верстъ въ одно изъ военныхъ поселеній Херсонской губерніи. Желая дать время поправиться лошадямъ, графъ Остенъ-Сакенъ производилъ ученіе пѣше-по-конному, утомлявшее солдатъ и надождавшее офицерамъ. При этомъ графъ требовалъ, чтобы команда исполнялась въ точности: Рысью—такъ бѣжать. Карьеръ—скакать, не теряя равненій. Надоѣло это одному старому маіору, всю службу просидѣвшему на конѣ и, надождавшись однажды команды въ карьеръ, онъ выскакалъ въ поле, выдѣлывая всевозможныя лаисады и вообще показывая видъ, что не можетъ удержать несущую его лошадь. При видѣ такой картины смѣхъ одолѣлъ не только офицерами, но и солдатами. Графъ смотрѣлъ съ недоумѣніемъ на все удалявшася, скакавшаго маіора и послалъ адъютанта спросить маіора, что съ нимъ случилось. Не видите развѣ? Лошадь несетъ, отвѣчалъ онъ подекававшему адъютанту, и продолжалъ прыгать. Отвѣтъ маіора былъ переданъ. Ну, такъ пусть-же бѣженый конь и занесетъ его прямо на гаупвахту, приказалъ Сакенъ.

Однако съ тѣхъ поръ ученіе пѣше-по-конному производилось очень рѣдко.

*

Не менѣе двадцати лѣтъ безсмѣнно правилъ Пензенскою губернією губернаторъ тайный совѣтникъ Панчулидзевъ. Надоѣло ли ему за такой длинный періодъ подписывать свою фамилію, но подпись его заключалась въ первоначальной буквѣ „П“, а затѣмъ шла какая-то вольнообразная ниточка, никакъ не изображавшая „анчулидзевъ“. Министръ внутреннихъ дѣлъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій не долюбивалъ Панчулидзева и, получивъ отъ него однажды съ такою подписью годовой на высочайшее имя отчетъ о состояніи губерніи и поднося его Государю, обратилъ его вниманіе на непочтительность подписи. Хорошо, сказалъ Государь, оставь мнѣ этотъ докладъ. Вѣроятно, что не успѣлъ еще графъ Перовскій доѣхать домой, какъ фельдъегерь скакалъ въ Пензу. По личному повелѣнію Его Императорскаго Величества извольте, ваше превосходительство, отъѣхать въ Петербургъ, прогремѣлъ фельдъегерь. Двѣсти, триста, пятьсотъ рублей давалъ перепуганный и совершенно растерявшійся губернаторъ фельдъегерю, чтобы онъ только сказалъ, зачѣмъ ѣхать. Но фельдъегерь отзывался только однимъ незнаніемъ. Часъ спустя, скакали въ Петербургъ фельдъегерь, а за нимъ губернаторъ. Трудненько было ѣхать: ни шоссе, ни желѣзныхъ дорогъ не было.

Пріѣхалъ въ Петербургъ Панчулидзевъ, отправился къ графу Перовскому представиться и съ тѣмъ же вопросомъ какъ и фельдъегерю, зачѣмъ онъ вызвалъ? Хотя министръ тогда только и догадался, въ чемъ дѣло, но отвѣчалъ незнаніемъ. Бросился Панчулидзевъ къ министру двора графу Владимиру Ѳедоровичу Адлербергу; но графъ, ничего не знавшій о посылкѣ фельдъегеря, отвѣчать ничего не могъ.

Пріемъ Государемъ прибывшаго губернатора былъ самый радушный. Панчулидзевъ возносился уже на седьмое небо. Николай Павловичъ ласково спрашивалъ его со всеми подробностями о состояніи губерніи, но вдругъ произнесъ: „Да кстати! Скажи пожалуйста, это твоя подпись?“ При этомъ Государь подалъ Панчулидзеву злосчастный годовой отчетъ съ подписью „П.“ и ниточкою. „Моя-съ“, отвѣчалъ губернаторъ, едва выговаривая эти слова. Ну хорошо, сказалъ Николай Павловичъ, теперь видишь-ли, я буду знать, а то я предполагалъ, что подпись подложная. А затѣмъ можешь ѣхать въ Пензу.

Вновь отправился Панчулидзевъ къ графу Адлербергу съ вопросомъ, что теперь дѣлать, объяснивъ ему свое свиданіе съ Государемъ. Знаете-ли что, немного подумавъ, отвѣчалъ Владимиръ Ѳедоровичъ. Откланяйтесь Перовскому и прикажите подавать себѣ лошадей. Такъ и выполнилъ этотъ совѣтъ Панчулидзевъ, пробывъ въ Петербургъ, какъ онъ впоследствии рассказывалъ, отъ 8 ч. утра до 5 вечера.

*

Когда я былъ въ приготовительномъ классѣ Училища Правовѣдѣнія въ 1853 — 1854 годахъ, мнѣ приходилось иногда ходить въ отпускъ къ графу Льву Алексѣевичу; лѣтомъ онъ жилъ на Аптекарскомъ острову. Для меня это была страшная тоска, да и графъ не находилъ темы разговора со мною. Случалось мнѣ сидѣть и въ кабинетѣ. Сидитъ графъ передъ письменнымъ столомъ, на которомъ разложено множество древнихъ монетъ, вовсе меня не интересовавшихъ. Посмотритъ онъ на монету, перевернетъ ее нѣсколько разъ и затѣмъ потретъ кончикомъ фалды вице-мундира. Докладываютъ: такой-то губернаторъ. Просить, говорить графъ. Входитъ губернаторъ. Графъ не оборачивается, не прерываетъ своего занятія и ведетъ разговоръ съ губернаторомъ, не приглашая его садиться.

*

13 Февраля 1883.

Говорили мы о томъ, какъ въ исходѣ XIX вѣка попала на висѣлицу женщина. Рѣчь шла о Софіи Львовнѣ Перовской.

Сколько я знаю, отецъ Перовской, Левъ Николаевичъ, нынѣ тайный совѣтникъ и членъ Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, началъ службу въ Преображенскомъ полку, затѣмъ служилъ вице-губернаторомъ въ Псковѣ, откуда въ концѣ 1859 г. переведенъ на ту же должность въ Симферополь, Таврической губерніи. Отецъ его д. с. с. Николай Ивановичъ Перовскій слу-

жилъ Таврическимъ губернаторомъ приблизительно въ 1820—1825 годахъ. Левъ Николаевичъ, человѣкъ честнѣйшій и добрѣйшей души, по слабости своего характера, а отчасти и по обязанностямъ службы, не могъ дать направленіе своимъ дѣтямъ. Жена его, святая въ полномъ смыслѣ слова, несчастная не только теперь, но думаю со дня замужества, Варвара Степановна, была нуль въ домѣ, но не по деспотизму мужа: Л. Н. не могъ быть деспотомъ, такъ какъ совѣмъ не могъ управлять собою. Когда я зналъ семейство Перовскихъ, оно состояло изъ отца, матери и дочери Софьи—дѣвочки лѣтъ пяти, очень хорошенькой блондинки, которую отецъ называлъ не иначе какъ „Соска“. Два сына воспитывались въ Корпусѣ Путей Сообщенія, а старшая дочь, которой я не зналъ, находилась, кажется, въ Керченскомъ Институтѣ.

И по службѣ, какъ чиновникъ особыхъ порученій при Таврическомъ губернаторѣ, и влѣдствіе старинной дружбы нашихъ отцовъ, я всегда ласково былъ принятъ въ гостепріимномъ и радушномъ домѣ Перовскихъ и часто забавлялъ и ласкалъ малютку Соску. Въ 1860—1861 годахъ Л. Н., не свидясь съ губернаторомъ Жуковскимъ, уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ получилъ должность Петербургскаго губернатора и пробылъ въ ней до 4 Апрѣля, покушенія Каракозова. Затѣмъ, какъ я сказалъ выше, онъ былъ назначенъ членомъ Совѣта Министерства съ сохраненіемъ оклада губернаторскаго жалованья. Въ Петербургѣ, уже въ началѣ 1870 годовъ, я встрѣчался и бывалъ у Л. Н.; но онъ всегда избѣгалъ говорить со мною о своей семьѣ, зная, что мнѣ извѣстно, гдѣ она находится и въ какомъ положеніи. Самъ онъ жилъ въ меблированныхъ комнатахъ гдѣ-то на Фонтанкѣ у Египетскаго моста.

Въ то время, т. е. уже съ 1860 и по 1876 годъ, жена его проживала близъ Севастополя въ имѣніи, или вѣрнѣе хуторкѣ, „Приморскомъ“, кажется, съ дочерью, бывшею Керченскою институткою, а одинъ изъ сыновей весьма солидный и почтенный молодой человѣкъ, занималъ должность чиновника особыхъ порученій при Таврическомъ губернаторѣ и секретаря губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Привычка къ широкой жизни, или вѣрнѣе сказать къ жизни не посредствамъ, вынудила Л. Н. продать два прекрасныхъ имѣнія его въ Таврической губерніи, Никольское и Кильбурунъ, надѣлавъ еще массу долговъ и оставляя семью въ плачевномъ положеніи.

Отецъ Льва Николаевича приходился единокровнымъ братомъ *) министру внутреннихъ дѣлъ графу Льву Алексѣевичу. Хотя я маленькій былъ, но твердо помню, что когда въ 1846 году графъ Левъ Алексѣевичъ, будучи министромъ, посѣтилъ Крымъ, то, имѣя въ Симферополѣ прекрасный собственный домъ, онъ не хотѣлъ пригласить къ себѣ своего брата Николая Ивановича, а поѣхалъ къ нему въ Кильбурунъ, гдѣ пробылъ

*) Николай Ивановичъ Перовскій (не графъ) былъ незаконный сынъ графа А. К. Разумовскаго, всѣ остальные дѣти котораго рождены генераль-маіоршею Денисьевой. П. Б.

ровно полчаса. Николай Ивановичъ визита ему не отдалъ. Василій Алексѣевичъ Перовскій, жившій въ отставку на южномъ берегу Крыма въ имѣніи Льва Алексѣевича Мелазѣ, также никогда не видался съ Николаемъ Ивановичемъ. Вообще послѣдній велъ самую грустную жизнь въ своемъ Кильбурнѣ, нигуда изъ него не выѣзжая, всеми вполне забытый и посѣщаемый только отцомъ моимъ, тогда Таврическимъ вице-губернаторомъ, да еще совѣтникомъ Губернскаго Правленія Николаемъ Евстафьевичемъ Славинскимъ. Послѣдняя жизнь Николая Ивановича еще болѣе было тяжкая: онъ ослѣпъ, и приглашенному профессору не удалось снять бывшій у Перовскаго катарактъ.

*

Въ 60-хъ годахъ въ Николаевѣ, въ типографіи штаба главнаго командира Черноморскаго флота, лейтенантомъ Павловскимъ печаталась лоція Чернаго моря. Это было почти новое изданіе или много дополненное послѣ лоціи, составленной въ 1829 году лейтенантомъ Манганари, впоследствии вице-адмираломъ и главнымъ командиромъ Черноморскаго флота. Меня, какъ не моряка, очень удивляли нѣкоторыя совершенно непонятныя для меня описанія. Такъ напр. въ лоціи Манганари говорилось, что Балаклавская бухта въ дѣйствиіе бывающихъ въ ней сильныхъ волненій для стоянки судовъ негодна. Поэтому никогда ни одно наше военное судно до 1856 года, т. е. въ продолженіе 27-ми лѣтъ, въ эту бухту не заходило. Но какъ-же во все время Крымской войны тамъ стояли суда Англійскія, Французскія и Сардинскія? Правда, что ихъ порядочно потрепало въ бурю 2 Ноября 1854 года; но суда стояли слишкомъ тѣсно въ очень узкой бухтѣ, да и такіа бури, кака была 2 Ноября, и въ Черномъ морѣ не особенно часты.

Николай Браилко.